

LEGAL ACTION MECHANISM IN THE FRAME OF THE LEGAL FACTS THEORY

This article continues the author's series of publications on the legal facts theory. The purpose of the study is to address the issue of clarifying the place of legal facts in the legal regulation mechanism. As a result of the research, the author comes to the conclusion that there are two methodological approaches to the study of legal facts: the methodology of «mechanical jurisprudence», when the task was to find the place of legal facts in the legal regulation mechanism, and the «quantum-physical methodology», which transfers the discourse from the place of legal facts in the legal regulation (action) mechanism to the improvement of legal regulation, taking into account the regulatory potential of the legal facts theory.

Keywords: legal facts; theory of legal facts; mechanism of legal regulation; mechanism of legal action; methodology; factual systems; legal system; legal relations; stages of the mechanism of legal regulation; elements of the mechanism of legal regulation.

А. А. Шафалович
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО ДЕЙСТВИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Данная статья продолжает цикл публикаций автора о теории юридических фактов. Целью исследования выступает решение вопроса об уточнении места юридических фактов в механизме правового регулирования. В результате исследования автор приходит к выводу о выделении двух методологических подходов в изучении юридических фактов: методологии «механической юриспруденции», когда задачей являлось отыскание места юридических фактов в механизме правового регулирования, и «квантово-физической методологии», которая переносит дискурс с места юридических фактов в механизме правового регулирования (действия) на совершенствование правового регулирования с учетом регулятивного потенциала теории юридических фактов.

Ключевые слова: юридические факты; теория юридических фактов; механизм правового регулирования; механизм правового действия; методология; фактические системы; правовая система; правовые отношения; стадии механизма правового регулирования; элементы механизма правового регулирования.

Введение. В научной литературе полстолетия пристальное внимание уделялось немаловажному для развития теории юридических фактов вопросу о месте и роли юридических фактов в механизме правового регулирования. Однако, по нашему мнению, этот вопрос все еще далек от разрешения. Еще В. Б. Исаков указывал, что место юридических фактов в механизме правового регулирования, их функции в правовой системе до конца не раскрыты, а регулирующие возможности не всегда используются в полной мере [1, с. 35]. Эти утверждения не утратили актуальности по сей день.

Неопределенность места юридических фактов в механизме правового регулирования вносит неопределенность в понимание причинно-следственных связей в праве и роли юридических фактов на статику и динамику правоотношений. Система юридических фактов, четко очерченных в источниках права и достоверно установленных, — одна из важнейших гарантий правовой законности, минимизации пробелов и неточностей в законодательстве. Этот момент рекомендуется учитывать в процессе правоприменения

на стадии юридической квалификации фактического состава. Помимо того, эффективная юридическая ответственность невозможна без четкого определения условий ее наступления, которые также являются юридическими фактами.

В современных условиях представляется важным правильно расставить акценты в урегулировании определенных юридических фактов. Уточнение соотношения юридических фактов и механизма правового регулирования позволяет лучше понимать механизм предопределенности действий людей, их прав и обязанностей юридическими фактами, т.е. фактическую обоснованность правового регулирования, что особенно важно для правового регулирования перспективного типа. Данная статья предлагает авторское решение вопроса о месте и роли юридических фактов в механизме правового регулирования.

Основная часть. В. А. Кучинский выделяет два подхода к пониманию места юридических фактов в отношении к механизму правового регулирования [2, с. 225]: в самом механизме и за его пределами. Правовая наука предлагает выделить и третье, пограничное состояние, когда отдельные виды юридических фактов исключаются из механизма правового регулирования, а отдельные включаются. Так, А. Е. Рябов правильно подмечает, что акты поведения людей, «являясь объектом правового воздействия, не несут самостоятельной регулятивной нагрузки в качестве средства правового регулирования» [3, с. 20]. Тем самым они выбывают из механизма правового регулирования, в то время как остальные юридические факты могут оставаться в нем.

Против включения юридических фактов в механизм правового регулирования в каком-либо качестве выступали Н. Т. Александров, А. М. Витченко, С. С. Алексеев, Ю. И. Гревцов и др. С. А. Зинченко юридические факты называет «движущим началом» всего механизма правового регулирования» [4, с. 129]. Иными словами, не включает их в состав элементов механизма правового регулирования.

С. И. Реутов, наоборот, писал, что «понимание юридических фактов лишь как предпосылки движения правоотношения обедняет их подлинное значение — важнейшей составной части механизма правового регулирования» [5, с. 5]. Согласимся с первой частью данного утверждения с тем уточнением, что попыткой указать конкретное место юридических фактов в механизме правового регулирования мы также обедняем их подлинное значение для данного механизма.

Самостоятельность юридических фактов как необходимого элемента механизма правового регулирования подчеркивали В. Б. Исаков [1], Н. В. Разбейко [6, с. 181], А. З. Долова [7, с. 14, 15], К. С. Бенькович [8, с. 53], И. В. Кутюхин [9, с. 68], Н. А. Никиташина [10, с. 24], Ж. Ю. Мирошникова [11, с. 10] и многие другие. Так, до сих пор почти все учебные издания, где дается схема механизма правового регулирования, выделяют юридические факты как самостоятельный элемент перед правоотношением.

Примечательно, что современные авторы стремятся не конкретизировать место юридических фактов в механизме правового регулирования, а иногда, как А. З. Долова [7, с. 15], попутно совмещают это место с иной дислокацией.

О. Михно [12, с. 136] верно подмечает, что одни советские правоведы (В. Синайский, М. Агарков, О. С. Иоффе и др.) к основаниям возникновения, изменения и прекращения правоотношения причисляли только юридические факты, а другие исследователи (О. А. Красавчиков, В. Н. Хропанюк) среди таких оснований выявляли и другие элементы. Соответственно, никогда речь не шла о наличии монополии юридических фактов на статус основания для возникновения, изменения и прекращения правоотношения, и допускалось, что на месте юридических фактов в механизме правового регулирования могли быть также иные элементы, служащие основанием для движения правоотношения. Вопрос возникал, что это за иные основания для движения правоотношения, и где они легализованы.

Как показывает случай из недавней судебной практики в Российской Федерации, основаниями для движения правоотношения могут выступать даже неюридические факты. И так, судья судов первой инстанции вопреки принципам и правовым нормам уголовного законодательства к смягчающим вину обстоятельствам по уголовным делам (разбой) причисляет «участие в ополчении в ДНР» [13], «участия в боевых действиях при защите ДНР» [14]. Это, по нашему мнению, свидетельствует о двух вещах: во-первых, о том, что судья в качестве юридических фактов признает конкретные жизненные обстоятельства, не предусмотренные правовыми нормами законодательства, но согласованные с политико-правовым курсом государства; во-вторых, о том, что юридическая практика опережает и тем самым подготавливает новации в действующем законодательстве и существующей теории юридических фактов, т.е. отражает объективную необходимость модификации теории юридических фактов, в частности расширения этого понятия.

Полагаем недопустимым подобную практику в уголовном праве и других отраслях права, связанных с государственным обвинением. В этих отраслях права монополия юридических фактов на статус основания для движения правоотношения укрепляет правовую законность и обоснованность привлечения к негативной, ретроспективной юридической ответственности.

Однако в гражданском праве и смежном с ним отраслями права и законодательства вполне уместно признание иных элементов в качестве оснований для движения правоотношения. В данных отраслях прав (законодательства) действует аналогия закона и права как инструмент, способствующий правовой защите в условиях пробела в законе или праве с учетом недопущения отказа в защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц, ссылая на пробел в праве или законодательстве.

Думаем, широкое понимание юридических фактов как конкретных жизненных обстоятельств, значимых для правопорядка, за которыми он признает способность к движению правоотношения, снимает этот спор о наличии или отсутствии монополии юридических фактов на статус основания для возникновения, изменения и прекращения и иного движения правоотношения. В этом заключается одно из двух основных предназначений юридических фактов: двигать правоотношение и служить формой бытия права.

Если брать классическую схему элементов механизма правового регулирования (норма права, юридический факт, правоотношение, акты реализации права и правоприменительные акты), то очевидно нарушение логического ряда, поскольку юридические факты постоянно и повсеместно сопровождают действие этого механизма на всем его протяжении, а не только на стадии правового регламентирования общественных отношений. Помимо названной стадии, юридические факты имеют место на стадии возникновения у адресатов правовых норм субъективных прав и обязанностей, реализации субъективных прав и обязанностей в правомерном поведении. Иными словами, механизм правового регулирования, как и все в праве, осуществляется, действует посредством юридического факта. В конечном итоге все в праве можно свести к юридическому факту. И только так правовое явление приобретает значимость для права и способно влечь правовое следствие.

Статус юридического факта для явлений социальной жизни есть своеобразная форма бытия права. Но причислять юридический факт к элементам механизма правового регулирования, по нашему убеждению, нельзя, поскольку юридический факт — элемент другой системы. Так же, например, как правотворчество (правообразование) важнейшая вещь для правовой системы, конечным продуктом которого является правовая норма. Система источников права, система норм права (нормативная система права), фактическая система — это разные, но согласованные и состыкованные системы в праве, разные измерения права, отражающие многоуровневость сложнейшего правового феномена.

Итак, роль юридических фактов в механизме правового регулирования заключается в том, что этот и другие механизмы в праве осуществляют свое действие посредством юридических фактов. Ж. Ю. Мирошникова считает, что «широта и разветвленность функциональных связей юридических фактов свидетельствует, что они представляют собой самостоятельный элемент механизма правового регулирования» [11, с. 15]. Полагаем, что широта и разветвленность функциональных связей юридических фактов доказывает не самостоятельность юридических фактов в механизме правового регулирования, а их системообразующую функцию для правовой системы [13]. Неслучайно у каждого государства своя фактическая система, и их правовая оценка может диаметрально отличаться: где-то определенные факты входят в фактический состав преступления, где-то не представляют общественной опасности.

На наш взгляд, при всей бесспорной значимости юридических фактов для правового регулирования их роль не стоит низводить до признания их самостоятельности как элемента механизма правового регулирования, и уж тем более нельзя определить одно, заранее определенное место для юридических фактов в этом механизме: перед или после правоотношения, поскольку они присутствуют на всех стадиях этого механизма, и каждому элементу этого механизма соответствует юридический факт, будь то как правовая модель или фактическое обстоятельство. Юридические факты опосредуют связь между конкретными жизненными обстоятельствами и их следствием.

Нашу мысль подтверждает Н. В. Разбейко, причисляя к юридическим фактам правоприменительные акты, акты реализации права, акты толкования права [6, с. 181], и считая, что сам юридический факт не может действовать в правовой сфере иначе, чем «именно с помощью механизма правового регулирования», что «юридический факт связан не только с правоотношением, но и с другими элементами механизма правового регулирования» [6, с. 183]. В целом соглашаясь с данным мнением, предлагаем акценты расставить иначе: юридический факт и механизм правового регулирования взаимосвязаны — не только юридический факт не может действовать без механизма правового регулирования, но и механизм правового регулирования также не может действовать без юридического факта.

Полагаем также, что более логичен термин не «механизм правового регулирования», а «механизм правового действия», поскольку действие права в таком механизме по логике должно исчерпываться состоянием урегулированности правовой материи, т.е. нормативным закреплением за фактом социальной практики статуса юридического факта, а не самим производством правового следствия. Если не признавать существование индивидуальных норм, механизм правового регулирования, следуя логике, состоит всего из одной стадии — правового регламентирования общественных отношений.

Несомненно, в российской и белорусской правовой системах механизм правового регулирования характеризуется чрезмерным доминированием стадии правотворчества и абстрактной правовой нормы, что не самым благоприятным образом сказывается на качестве правосудия и правоприменения в целом. Принимая значимость абстрактной правовой нормы и признавая ее высокий регулятивный потенциал, следует признать ограниченность и несбалансированность механизма правового регулирования, сосредоточившегося лишь на ее «обслуживании», что соответствует целям системоцентристского типа общества.

В прецедентном праве, наоборот, «центр тяжести» смещен в пользу правоприменения, и имеет место перекосяк в сторону казуальной нормативности и индивидуальной правовой нормы. Действие подобного механизма правового регулирования соотносится с персоноцентристским типом общества. При этом плюсом является то, что правовое решение в данном случае более справедливо и учитывает все нюансы развития фактической системы права. Однако «обслуживание» такого механизма правового регулирования дорого, поскольку каждая правовая ситуация рассматривается *ex-novo*.

В этой связи представляется наиболее эффективным создание сбалансированного механизма правового регулирования путем совмещения достоинств обоих типов данных механизмов. Представляется символичным, что юридические факты в традиционных схемах элементов механизма правового регулирования рисуются в середине механизма. Поскольку «серединное» положение юридических фактов как бы ориентирует на то, что именно юридические факты призваны сбалансировать этот механизм, сопровождая действие механизма правового регулирования от начала до конца.

Методологической ошибочностью постановки задачи нами объясняется тот факт, что до сих пор точного местонахождения юридических фактов в механизме правового регулирования установить так и не удалось. Полагаем, нужно вести речь не о юридических фактах в механизме правового регулирования (действия), а о механизме правового действия или о правовом регулировании в свете теории юридических фактов.

Косвенно данную идею подтверждают положения А. З. Доловой, которая рассматривает «юридические факты как один из элементов юридического метода», элементами которого она считает: наделение лиц правосубъектностью и определение рамок их возможного поведения; определение объектов правоотношений; закрепление юридических фактов» [7, с. 14].

В плане методологии, полагаем, всякого рода юридические механизмы (правовой механизм, механизм государства, государственный аппарат и др.), относятся к эпохе так называемой «механической юриспруденции» [15, с. 147–153]. Проявлением последней считается ту стадию развития теории юридических фактов, которая сводила изучение правовой реальности к своеобразным частицам или «винтикам» общего правового механизма. Методологическому подходу эпохи «механической юриспруденции» свойственна простая динамика в изучаемых объектах в виде вычленения простых, линейных причинно-следственных связей, а именно сведение всей гаммы движения правоотношения исключительно к возникновению, изменению и прекращению правоотношений. Отход от подходов «механической юриспруденции» в изучении теории юридических фактов стали с изучением «большой фактической системы» (В. Б. Исаков), с признанием сложных нелинейных причинно-следственных связей, которые отражены такими видами эффектов по движению правоотношений, как приостановление правоотношений, отложенный, ретроспективный или перспективный эффект, эффект-предвестник и другие «нестандартные» эффекты, производимые юридическими фактами.

Заключение. Тем самым можно выделить два методологических подхода в изучении юридических фактов: назовем их условно методология «механической юриспруденции», когда пытались, но так и не смогли найти определенное место юридических фактов в механизме правового регулирования, и «квантово-физическая методология», охватывающая не просто множественные, но и многомерные правовые связи. «Квантово-физическая методология» переносит дискурс с юридических фактов в механизме правового регулирования (действия) на механизм правового действия или на правовое регулирование в свете теории юридических фактов. В этой связи уместно ставить вопрос о совершенствовании правового регулирования (всех его инструментов) посредством использования регулятивного потенциала теории юридических фактов.

Источники

1. *Исаков, В. Б.* Правовое регулирование и юридические факты / В. Б. Исаков // Правоведение. — 1989. — № 5. — С. 34–37.
2. *Исаков, В. Б.* Legal regulation and legal facts / V. B. Isakov // Jurisprudence. — 1989. — № 5. — Р. 34–37.
3. *Кучинский, В. А.* Основания возникновения, изменения и прекращения правоотношения / В. А. Кучинский // Современное учение о правовых отношениях : монография / В. А. Кучинский. — Минск : Интегралполиграф, 2008. — С. 210–282.

Kuchinsky, V. A. Grounds for the emergence, change and termination of legal relations / V. A. Kuchinsky // Modern doctrine of legal relations : monograph / V. A. Kuchinsky. — Minsk : Integralpoligraf, 2008. — P. 210–282.

3. *Рябов, А. Е.* Юридические факты в механизме правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. Е. Рябов. — Н. Новгород, 2005. — 202 л.

Ryabov, A. E. Legal facts in the legal regulation mechanism : diss. ... of candidate of law sciences : 12.00.01 / A. E. Ryabov. — Nizhny Novgorod, 2005. — 202 sh.

4. *Зинченко, С. А.* Юридические факты в механизме правового регулирования / С. А. Зинченко. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — 152 с.

Zinchenko, S. A. Legal facts in the legal regulation mechanism / S. A. Zinchenko. — Moscow : Wolters Kluwer, 2007. — 152 p.

5. *Реутов, С. И.* Юридические факты в семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. И. Реутов ; Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. — М., 1976. — 24 с.

Reutov, S. I. Legal facts in family law : abstr. of the diss. ... of candidate of law sciences : 12.00.03 / S. I. Reutov ; All-union Correspondence Jur. Inst. — Moscow, 1976. — 24 p.

6. *Разберейко, Н. В.* Юридический факт как элемент механизма правового регулирования / Н. В. Разберейко // Вестн. Ин-та экон. исслед. — 2017. — № 3 (7). — С. 178–185.

Razbeiko, N. V. Legal fact as an element of the legal regulation mechanism / N. V. Razbereiko // Vestnik of Inst. of Econ. Research. — 2017. — № 3 (7). — P. 178–185.

7. *Долова, А. З.* Юридические факты в трудовом праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.05 / А. З. Долова. — М., 2009. — 381 л.

Dolova, A. Z. Legal facts in labor law : diss. ... of dr of law sciences : 12.00.05 / A. Z. Dolova. — Moscow, 2009. — 381 sh.

8. *Бенькович, К. С.* Юридические факты в механизме правового регулирования / К. С. Бенькович // Новый ун-т. — 2011. — № 2. — С. 51–54.

Benkovich, K. S. Legal facts in the legal regulation mechanism / K. S. Benkovich // New Univ. — 2011. — № 2. — P. 51–54.

9. *Кутюхин, И. В.* Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. В. Кутюхин. — Владивосток, 2004. — 183 л.

Kutyukhin, I. V. Legal facts in the mechanism of criminal procedure regulation : diss. ... of candidate of law sciences : 12.00.09 / I. V. Kutyukhin. — Vladivostok, 2004. — 183 sh.

10. *Никиташина, Н. А.* Юридические предположения в механизме правового регулирования : правовые презумпции и фикции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н. А. Никиташина. — Абакан, 2004. — 185 л.

Nikitashina, N. A. Legal assumptions in the legal regulation mechanism: legal presumptions and fictions : diss. ... of candidate of law sciences : 12.00.01 / N. A. Nikitashina. — Abakan, 2004. — 185 sh.

11. *Мирошникова, Ж. Ю.* Функции юридических фактов по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ж. Ю. Мирошникова ; Ростов. юрид. ин-т МВД РФ. — Ростов н/Д, 2005. — 27 с.

Miroshnikova, J. Yu. Functions of legal facts in Russian legislation : abstr. of the diss. ... of candidate of law sciences : 12.00.01 / J. Yu. Miroshnikova ; Rostov Law Inst. of the Min. of Internal Affairs of Russia. — Rostov-on-Don, 2005. — 27 p.

12. *Міхно, О.* Поняття та види підстав припинення цивільно-правового договору / О. Міхно // Право. — 2004. — № 5. — С. 135–137.

Mikhno, O. Concepts and and types of grounds for suspension for the civil law contract / O. Mikhno // Law. — 2004. — № 5. — P. 135–137.

13. Решение по делу 1-56/2015 [Электронный ресурс] // Росправосудие. — Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-4-g-dimitrovgrada-s/act-224871188/>. — Дата доступа: 16.11.2019.

14. Решение по делу 1-75/2016 [Электронный ресурс] // Росправосудие. — Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-korenovskij-rajonnyj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-525733136/>. — Дата доступа: 16.11.2019.

15. *Шафалович, А. А.* Теория юридических фактов в контексте квантовой физики / А. А. Шафалович // Teisè. — 2020. — Т. 115. — С. 147–153.

Shafalovich, A. A. Theory of the Legal Facts in the Context of Quantum Physic / A. A. Shafalovich // Teisè. — 2020. — Vol. 115. — P. 147–153.

16. Шафалович, А. А. Система функций юридических фактов / А. А. Шафалович // Право.by. — 2012. — № 4. — С. 28–32.

Shafalovich, A. A. System of functions of legal facts / A. A. Shafalovich // Pravo.by. — 2012. — № 4. — P. 28–32.

Статья поступила в редакцию 30.11.2020 г.

УДК 342.9 (476)

<http://edoc.bseu.by/>

A. Shklyarevsky
BSEU (Minsk)

MEASURES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN SOME EUROPEAN COUNTRIES: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article examines the penalties applied to administrative offenders in individual European countries. The specificity of the legislation on administrative responsibility of foreign countries is reflected, due to the absence in most countries of a single codified legislation in this area. Particular attention is paid to the amount and conditions for the application of fines, which are present in the legislation of all countries. Attention is focused on specific punishments not known to Belarusian legislation.

Keywords: administrative responsibility; administrative offense; punishment; offender; penalty; legislation.

А. Н. Шкляревский
кандидат юридических наук
БГЭУ (Минск)

МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТДЕЛЬНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются наказания, применяемые к административным правонарушителям в отдельных европейских странах. Отражена специфика законодательства об административной ответственности зарубежных стран, обусловленная отсутствием в большинстве стран единого кодифицированного законодательства в данной области. Особое внимание уделено размерам и условиям применения штрафов, присутствующих в законодательстве всех стран. Акцентировано внимание на специфических наказаниях, неизвестных белорусскому законодательству.

Ключевые слова: административная ответственность; административное правонарушение; наказание; правонарушитель; штраф; законодательство.

Введение. В настоящее время Республика Беларусь вступила на путь интенсивного обновления законодательства, в том числе административно-деликтного. Решение данной задачи весьма актуально, так как, по справедливому замечанию Г. А. Василевича и С. Г. Василевича, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях образца 2003 г. (далее — КоАП) оказался самым нестабильным [1, с. 29]. «На протяжении длительного периода времени в административном законодательстве Республики Беларусь наблюдалась тенденция формирования карательной государственной политики, где имело место не только значительное увеличение количества составов административных правонарушений, но и существенное ужесточение мер административной ответственности за их совершение» [2, с. 166].